

УДК 801.73

**И. БРОДСКИЙ. «НА СМЕРТЬ ЖУКОВА»:
ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ**

© 2020 г.

*С.Г. Павлов,^{1,2} Е.И. Бударagina²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород

sergeypavlov70@mail.ru

Поступила в редакцию 11.06.2020

Статья выполнена в русле актуального для современной лингвистики обращения к индивидуально-авторской реализации системы языка в художественном тексте. Анализируется стихотворение И.А. Бродского «На смерть Жукова». Цель статьи – средствами лингвистической герменевтики выявить неочевидные смыслы данного текста. Непосредственным предметом анализа являются языковые средства, которые могут быть истолкованы как выражение авторской позиции по отношению к герою стихотворения.

Исходными предпосылками статьи являются следующие установки: 1) художественный текст допускает множественность интерпретаций; 2) интерпретационные возможности лингвистики позволяют существенно объективизировать исследование текста; 3) главный смысл текста допускает однозначное прочтение.

Показано, что герменевтическая проблема может возникать в самой простой по виду ситуации и таким же простым образом разрешаться. Основной итог статьи сводится к следующему выводу: в свете лингвистической герменевтики аксиологически однополярные интерпретации представляются малоубедительными. В качестве альтернативы предлагается собственное решение.

Ключевые слова: художественный текст, лингвистическая герменевтика, герменевтическая ситуация, аксиология, интерпретация.

Художественный текст – сложный, многоаспектный феномен, но интересен он прежде всего смыслом – тем информационным посылом, который автор адресовал читателю. Смысл, понимаемый в данном случае как главная идея произведения, предельно демократичен. Во-первых, в отличие от специальных филологических проблем, он интересен всем. Во-вторых, он и допускает к себе всех, но допускает в разной степени, определяемой уровнем читательской подготовки. Поставленная настоящей работой цель реконструкции основного смысла стихотворения предполагает анализ интерпретаций всех читательских категорий – и профессиональных филологов, и неспециалистов.

Филолог, будучи читателем профессиональным, призван помочь читателю-любителю глубже понять текст, разрешить недоумение, скорректировать неправильно понятое и т. д. Однако филолог как представитель научного сообщества нередко ориентируется не на любителя, а на своих коллег, интересы которых могут не совпадать с читательскими. Читателя интересуют именно идеи текста, а не семантика или функции языковых единиц, жанровая принадлежность текста, проблема художественного метода и т. п. Он, как правило, ждёт разъяснений относительно того, что хотел сказать автор и какова его позиция в отношении изображае-

мого. Профессионал-филолог занимается этим, во-первых, не всегда, во-вторых, не всегда так, как ожидает любитель. Так, М.Ю. Лотман, анализируя стихотворение И.А. Бродского «На смерть Жукова», пишет: «...За обычной для Бродского бесстрашной логичностью повествования отчётливо проглядывает тот хаос, та бездна, которая одновременно и ужасала, и вдохновляла Паскаля, Кьеркегора, Достоевского, Ницше, Шестова, Камю... Всё это вводит нас в своеобразный «имперский дискурс» Бродского...» [1]. Вряд ли среднестатистический читатель найдёт в лотмановском анализе разрешение своих вопросов. Не приходится сомневаться в том, что 99 % читателей ожидают от филолога другого комментария. Читателя волнует, почему «маршал Победы» оказался у Бродского в *области адской* и как это совместимо с отчётливо панегирическим звучанием некоторых строк стихотворения. Говоря обобщённо, читателя интересует главная идея текста, причём именно в авторском её понимании.

В сущности, художественный текст не имеет иммунитета к ложным толкованиям. Заведомо неверная интерпретация зачастую находит текстуальное обоснование за счёт прихотливых ассоциаций, типологического сходства религиозных и социокультурных практик, мотивов, ситуаций и т. п. Соответственно нужны опреде-

лённые исследовательские подходы, способные объективизировать прочтение текста. В качестве такого методологического подхода существует лингвистическая герменевтика (далее – ЛГ).

ЛГ – это процедура толкования текста на основе анализа языковых единиц. ЛГ не имманентный лингвистический анализ. По мере необходимости она обращается к результатам исследований смежных дисциплин, и прежде всего к литературоведению, но исключительно как к вспомогательному материалу. При этом языковые факты, не превращаясь в самодовлеющий предмет изучения, тем не менее становятся основным средством толкования текста и верификации полученных результатов. Материалом лингвистической герменевтики является дискурс, а предметом – смысл текста или его фрагмента.

Исследовательская интенция герменевтики традиционно состояла в попытке отыскать авторский смысл, не навязывая тексту чуждое ему прочтение. По логике герменевтики, не читатель наделяет текст смыслом, но текст предлагает его читателю. В этом смысле ЛГ противопоставляет себя деконструкции, освобождающей интерпретацию от необходимости учитывать авторский замысел. Если деконструкция отрицает объективный, общий для всех читателей смысл, то лингвистическая герменевтика постулирует его наличие и предлагает способы обнаружения. Данная герменевтическая интенция имеет непреходящую социальную актуальность, позволяя гуманитарной науке выходить за пределы кабинетных штудий и выполнять просветительскую функцию. Ведь рядовому читателю в подавляющем большинстве случаев важно знать авторское мнение, а отнюдь не мнение игнорирующих автора толкователей.

ЛГ ориентирована на максимальное приближение к авторскому замыслу в рамках того смыслового диапазона, который можно приписывать автору на основании, с одной стороны, языковых фактов в их текстуальном взаимодействии, с другой – экстралингвистических факторов, привлекаемых в качестве информационного фона текста (личность автора, биографические данные, социокультурная среда). При конфликте интерпретаций предпочтение отдаётся той, которая более приемлема лингвистически и поддерживается культурно-биографическим материалом.

Распространённое мнение о необходимости нескольких толкований нуждается в серьёзной корректировке. Постулат о невозможности одного интерпретационного решения, на наш взгляд, имеет ограничения. Некоторые тексты действительно следует рассматривать в рамках

принципа дополнительности, но другие вполне могут быть осмыслены в комплементарной логике: если не А, то В. Авторы настоящей статьи исповедуют интерпретационный оптимизм, полагая, что главную идею текста почти в любом случае можно выявить, если автор текста её действительно выразил.

Обоснование данного теоретического положения вполне тривиально. Мы исходим из того непреложного факта, что главная идея всегда аксиологически окрашена. Её истоки не в художественном пространстве текста, а в ценностных установках автора. В тексте же она, преломляясь через эстетическую призму образов, нередко теряет ясность. Но и в этом случае она присутствует уже только потому, что автор прекрасно отдавал себе отчёт в своём отношении к предмету речи. Отношение сложное или аксиологически полярное, в духе катулловского *odi et amo*, всё равно может быть реконструировано и описано. Имплицитная манифестация отнюдь не «вещь в себе». Она требует лишь углублённого внимания и больших исследовательских усилий. И только в том случае, когда автор принципиально уклоняется от собственной аксиологической монологичности и сознательно даёт стереоскопическое или противоречивое воплощение своей идеи, возникает необходимость принятия нескольких равноценных толкований, вплоть до взаимоисключающих.

Итак, задача-максимум лингвиста-герменевта – найти единственно истинную интерпретацию текста или его фрагмента. По отношению к анализируемому стихотворению Бродского такой максималистский оптимизм («интенционализм» в терминах Г.И. Богина), как мы постараемся показать, достаточно обоснован. И всё же, принимая во внимание практическую невыполнимость данного требования по отношению к некоторым текстам, формулировать общую задачу ЛГ приходится менее радикально. Часто достаточно указать среди возможных интерпретационных альтернатив наиболее правдоподобную. И как раз совокупные усилия лингвистики и литературоведения на базе исследовательских принципов ЛГ способны минимизировать величину интерпретационной погрешности и предложить объективное, доступное для проверки толкование.

После предварительных соображений обратимся к анализу стихотворения. Присуждая премию, Нобелевский комитет лаконично формулирует главную заслугу лауреата. В дипломе Бродского отмечается смысловая прозрачность его поэзии: «За всеобъемлющую литературную деятельность, отличающуюся ясностью мысли и поэтической интенсивностью». Формулиров-

ка, наверное, для любого читателя Бродского несколько неожиданная. Его тексты даже на русском языке звучат далеко не всегда понятно. Нужно интенсивное мыслительное усилие, чтобы выйти к имплицитным смыслам. Простым некоторыми исследователями признают и анализируемый текст. О.И. Глазунова пишет: «Стихотворение “На смерть Жукова” не самое трудное для анализа. Чувства и мысли поэта выражены в нём ясно – пожалуй, даже слишком ясно, что, вероятно, и вызывало раздражение у некоторых читателей и критиков» [2].

На самом деле стихотворение «На смерть Жукова» – текст весьма неоднозначный, что видно хотя бы по диапазону его толкований. Считается, что герменевтика начинается с непонимания некоторых фрагментов текста. Данное положение справедливо с известным уточнением. Наибольшую трудность для правильного толкования представляют не «тёмные», а ложно понятые места. Непонятность вызывает вопросы и инициирует исследование, в то время как мнимая понятность оставляет в заблуждении. Возникшие в сознании читателя (исследователя) псевдосмыслы по цепочке определяют дальнейшую стратегию чтения, что в конечном итоге с большой долей вероятности приведёт к превратному пониманию текста в целом.

Существует три варианта прочтения стихотворения – патриотический (или советско-патриотический, «прожуковский»), антисоветский («антижуковский») и компромиссный (умеренно патриотический, с амбивалентным отношением к Жукову), в котором отдаётся дань российскому патриотизму и одновременно дезавуируется российский тоталитаризм. Приведём характерные цитаты. О.И. Глазунова представляет патриотическую трактовку: «Обращение Бродского к образу маршала Жукова, торжественный тон повествования заставляли вольно или невольно прочитывать стихотворение как апофеоз Советской России. С другой стороны, почему именно “советской”? Стихотворение посвящено той России, которая была у Бродского, “советская” или любая другая, она оставалась для него единственно возможной – такой, какой раз и навсегда вошла в его жизнь при рождении» [2].

Джордж Ренко рассматривает стихотворение как выражение противоположной позиции: «Не может простить патриотически настроенный критик нобелевскому лауреату и кощунственных строк о Маршале Победы: “Маршал Жуков, герой нашей Священной войны с германским фашизмом, не вызывает у поэта Бродского ни патриотического чувства, ни понимания того, зачем полководец “входил в чужие столицы” и что он там делал» [3].

Л. Лосев разделяет третью из возможных интерпретаций. Рассказывая о публикации стихотворения в первом номере журнала русской эмиграции «Континент», он отмечает: «Первый номер нового журнала открывался приветствиями Александра Солженицына, Эжена Ионеско, Андрея Сахарова и стихами Бродского. В начале подборки стояло стихотворение «На смерть Жукова». Оно вполне выражало совпадающие политические позиции журнала и автора: гордость за русскую героическую историю и высокую русскую культуру и отвращение к жестокости российского тоталитаризма» [4].

Все три интерпретации дискуссионны. Если стихотворение – славословие Жукову, то почему он помещён Бродским в *адскую область*? Если Жуков дискредитируется, то как понимать языковые средства с явно положительной семантикой и коннотацией? Проблема умеренно патриотической трактовки в том, что в *области адской* находится не только олицетворяющий советский тоталитаризм маршал Жуков, но и все солдаты Красной армии. Бродский не был советским патриотом, но такое его поэтическое решение посмертной судьбы всех (!) красноармейцев, сражавшихся с нацистской Германией, выглядит по меньшей мере странным.

Неоднократно предпринимались попытки объяснить данную шокирующую странность. М. Крепс в первой монографии, посвящённой творчеству Бродского, пытается апеллировать к христианской этике: «Знаменательно, что полководец встретится со своими солдатами в аду, так как все они нарушили заповедь “не убий”...» [5]. Данная точка зрения не учитывает разницы между убийством в захватнической и оборонительной войне. Между тем православные святцы полны именами воинов, а также ветхозаветного царя Давида, судей Израиля и русских благоверных князей, не раз бравших в руки оружие. Уже после выхода монографии М. Крепса был канонизирован в лике праведных флотоводец Ф.Ф. Ушаков.

З. Прилепин, придерживающийся советско-патриотической трактовки, объясняет посмертие Жукова специфичностью солдатского ада: «...Это особый ад, солдатский, выжженный и сухой, как степь после боя» [6]. Аргументацией становятся следующие слова:

*К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.*

В противовес мнению З. Прилепина другие исследователи в словосочетании *правое дело* видят, и, как мы полагаем, правомерно, иронию со скрытой цитатой из речи В.М. Молотова 22 июня 1941 года: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» 3 июля

эти слова почти дословно повторит Сталин: «...Все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии – клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить». Заметим, что Бродский воспринимал Сталина как антигероя (см. эссе Бродского о Сталине под названием «Размышления об исчадии ада» (1973)).

И. Котельников находит разрешение проблемы в отождествлении Бродским фашизма и коммунизма [7]. В интервью журналу *Antioch Review* поэт сказал: «Последняя война была просто борьбой двух демонов. В этом сражении фашизм и коммунизм были равными партнёрами, в каком-то смысле братьями. Это было сражение между двумя демонами, и один демон проиграл» [8]. Думается, даже подобные цитаты не могут объяснить посмертную участь маршала Жукова в поэтической версии Бродского. Не мог же поэт, в конце концов, не видеть разницы между идеологами Советского государства и защищавшими Родину от фашизма рядовыми гражданами.

Главная идея стихотворения складывается из двух вопросов: 1) как Бродский относится к маршалу Жукову?; 2) почему Жуков встречается со своими солдатами в *области адской*? Начнём с вопроса о месте посмертного пребывания маршала Жукова. Впервые высказал мнение о том, что маршал не в аду, А.М. Ранчин [9, с. 185]. Позже им была предложена развёрнутая аргументация [10]. Здесь в обстоятельном обзоре употребления слова *ад* в русской барочной поэзии XVIII в. А.М. Ранчин убедительно показал, что *адская область* у Бродского – это Аид, а не место мучения грешников (в христианской традиции). Доводов из самого текста Бродского в пользу данного мнения не приведено, кроме, пожалуй, одного: «На смерть Жукова» написано в традиции одической поэзии XVIII в., смешивающей античные и христианские мотивы и делающей их взаимообратимыми. Это действительно так, но опосредованный аргумент имеет право на существование только в качестве дополнения к текстуальным свидетельствам. С лингвистической точки зрения анализ стихотворения Бродского представляет собой репрезентативный пример тех затруднений, которые испытывает литературоведение, работающее с большими фрагментами текста и мало уделяющее внимание отдельному слову. Между тем лингвистическая аргументация здесь предельно проста. Ответ содержится в следующей строфе:

*Сни! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю*

*смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.*

Ритуально метафорический императив *сни* невозможен для говорящего, если он думает, что усопший находится в аду. Маршал будет покоиться в *области адской* – в потустороннем мире. Дополнительным свидетельством в пользу данной интерпретации служит «античный» фон стихотворения: упоминание античных полководцев (Ганнибал, Велизарий, Помпей), протекающей в Аиде реки Леты, использование семантически трансформированного существительного *лента* (см. ниже). Кроме того, имплицитно «античным» является и образ лошади. Кадры похорон маршала Жукова Бродский смотрел по телевизору в Роттердаме, где принимал участие в международном поэтическом фестивале. Как неоднократно отмечалось исследователями, лошади в траурном шествии он видеть не мог, так как после кремации тела полководца урна с прахом была доставлена к Дому Советов на катафалке. Таким образом, *лошади круп* может быть рассмотрен не просто как поэтический вымысел, а как деталь текста, воспроизводящая один из атрибутов античных похорон полководцев.

Однако даже выяснение прагматического значения словосочетания *адская область* оставляет вопрос об отношении Бродского к Жукову открытым. Название-посвящение *На смерть* встречается только в комплиментарных текстах, в своего рода поэтических «некрологах». Невозможно, например, представить в русской поэтической традиции стихотворение под названием «На смерть Гитлера». Для Бродского аксиологические коннотации имени *Жуков* оказываются совместимы с заголовочной формулой *На смерть*.

Первое упоминание маршала несколько конфликтует с названием стихотворения:

Вижу в регалиях убранный труп

Использование слова *труп* в «некрологе» не вполне уместно. Так, в известных Некрасовских строках слышится, на наш взгляд, осязаемый аксиологический диссонанс:

Со всех сторон его клянут

И, только труп его увидя,

Как много сделал он, поймут,

И как любил он – ненавидя! («Блажен незлобивый поэт...»)

Однако стоит заметить, что у Бродского свои стилистические нормы. Употребление существительное *труп* может быть просто характерным для поэта приёмом смешения стилевых пластов, призванным в данном случае подчеркнуть грубый трагизм смерти. Выражение *регаллии на трупе* подчёркивает всю относитель-

ность и даже ненужность принятых в обществе знаков отличия, переводя повествование в экзистенциальный план. Смерть уравнивает всех и обесценивает социальные дивиденды (награды, премии, почести). Однозначного решения по поводу полюса оценки выражения *в регалиях убранный труп* мы не видим.

Показательно, что А.М. Ранчин ни в одной из вышеуказанных работ не анализирует самую «антижуковскую» строфу стихотворения (об этом ниже). В первой он приводит комплиментарную по отношению к Жукову цитату из разговора Бродского с С. Волковым: «А ведь многие из нас обязаны Жукову жизнью. Не мешало бы вспомнить и о том, что это Жуков, и никто другой, спас Хрущёва от Берии. <...> (купюра в тексте принадлежит А.М. Ранчину. – С.П., Е.Б.). Жуков был последним из русских могикан» [9, с. 196]. В работе 2016 года после указания на согласие Бродского с впечатлением С. Волкова, не увидевшего в стихотворении «особой симпатии» к Жукову [11, с. 54], снова приводятся слова поэта: «А ведь многие из нас обязаны Жукову жизнью» [10, с. 83]. Вместо полемики с сильной позицией оппонента А.М. Ранчин обращается к тому, что выглядит обоснованием его мнения: «“На смерть Жукова” – одическое стихотворение, трактующее деяния Г.К. Жукова панегирически. Маршал назван «пламенным» («в смерть уезжает пламенный Жуков»). Его победы возвеличены» [10, с. 83].

А.М. Ранчин трактует слово *пламенный* как традиционный эпитет имитируемого поэтом высокого стиля [10, с. 86–87]. Данная интерпретация совершенно неубедительна на фоне антикоммунистических воззрений Бродского. *Пламенный* вполне можно понимать как аналогичный выражению *правое дело* советизм – стандартный элемент советской риторики, характеризующий революционера, большевика, борца за гуманистические идеалы, как их понимала советская идеология. Особенно органично *пламенный* сочетается с существительным *революционер*, весьма показательным примером чего служит начатая в 1968 году издательством «Политиздат» серия «Пламенные революционеры», представляющая собой беллетризованные биографии революционеров всех времён и народов. Скорее всего, Бродский использует эпитет *пламенный* саркастически, как советский штамп.

Рассмотрим теперь «антижуковскую», на первый взгляд, строфу стихотворения, в которой находится центральный узел герменевтической проблемы – словосочетание *адская область*:

*Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской*

белой кровати? Полный провал.

*Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».*

Следует принять во внимание одно экстралингвистическое обстоятельство. Отец Бродского, будучи морским офицером, в качестве фотокорреспондента находился на фронтах Великой Отечественной, участвовал в Финской кампании и в войне с Японией. Трудно представить, что Бродский, при всём его антисоветизме, обрекал отца, вместе с миллионами советских фронтовиков, на ад. На это указывает И. Котельников: «Не поверю ни на миг, будто поэт полагал, что его отец отправился после смерти тешить чертей в аду» [7]. Однако, не видя возможности объяснить встречу Жукова с его солдатами в *адской области*, он вынужден говорить исключительно о маршале и «забыть» об остальных: «И всё же какие-то – весьма и весьма существенные – причины для того, чтобы Бродский «определил» маршала Победы Жукова в ад, у поэта имелись» [7]. При этом забываются собственные, ранее высказанные сомнения: «Нам же кажется уязвимой позиция Бродского, употребившего оборот «в области адской». С чего это стихотворец взял, что защитники Отечества встречаются в аду?» [7]. Тем самым интерпретация заходит в герменевтический тупик. И насколько бы ни были аргументированы дальнейшие соображения, они не будут обладать объяснительной силой. Почему в *области адской* оказываются солдаты Жукова и психологическим фоном присутствующий среди них затекстовый отец самого Бродского, остаётся непонятным.

Обратим внимание на коммуникативную структуру строфы. В ней три вопроса и два ответа:

1) *Сколько он пролил крови солдатской..!*
Что ж, горевал? Данные строки прочитываются как риторический вопрос с ответом «не горевал».

2) *Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.*

Первый вопрос по авторской интенции практически совпадает со вторым. Глагол ментальной семантики *вспомнил* в данном контексте обозначает не акт памяти, а эмоциональное состояние героя. Импликативное содержание обоих вопросов сводится к одному и тому же: имел ли Жуков сострадание к солдатам, каялся ли в их гибели? На два вопроса (горевал ли? вспомнил ли?) Бродский отвечает одним способом: *Полный провал*.

С учётом контекстуального окружения выражение *полный провал* может интерпретироваться двояко. Это либо отсутствие ответа, обусловленное недоступностью внутреннего мира

умирающего Жукова [12, с. 176], либо жизненный крах полководца, посвятившего жизнь возглавляемому «исчадием ада» «правому делу».

Ответ на последний вопрос строфы также выглядит аксиологически двусмысленно. С одной стороны, из него выводится самооправдание: на войне существует только один способ коммуникации командира с солдатами – посылающий на смерть императив. Так полагает М. Крепс: «... Маршал ... не почувствует раскаяния в совершенных действиях и никогда не признает себя военным преступником. Его оправданием всегда будет то, что он был подневольным человеком, и на все обвинения он даст один ответ: “Я воевал”, т. е. был солдатом и выполнял свой долг» [5]. С другой стороны, интонация самооправдания из текста не вычитывается. Она конвенционально возможна, но не необходима. В ответе маршала можно услышать и непреклонную убежденность в своей правоте, констатацию выполненного воинского долга. С нашей точки зрения, текстуальных оснований, из которых с алгоритмической необходимостью следует один из возможных вариантов, нет. Таким образом, в целом данную строфу нельзя однозначно трактовать как «обличительную».

Ряд лексических средств (*воин, родину спасшему*) определённым образом указывает на признание Бродским заслуг маршала Жукова. В этот ряд стоит отнести и выражение *жалкая лепта*. Существительное *лепта* обозначает небольшой посильный вклад в хорошее дело. В данном случае семантика слова *лепта* трансформируется. Бродский не считает своё стихотворение вкладом в дело прославления советского героя. Лепта предназначена в качестве платы самому Жукову. *Лепта*, отданная ушедшему в *адскую область* (Аид) маршалу, семантически рифмуется с *Летой*, поддерживая античный дискурс стихотворения:

*Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахорья.
Все же, прими их – жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.*

Посвящённое Жукову стихотворение Бродский называет *жалкой лептой* маршалу, потому что на фоне величия его дела мельчает любое слово. Плеонастическое словосочетание *вслух говоря* эксплицирует то, что многими людьми на Западе воспринимается с агрессивным недоумением. Для них Жуков – олицетворение советского режима, с которым «свободный мир» находится в неизменной конфронтации. Однако Жуков как продукт западной пропаганды и реальный маршал Жуков не во всём совпадают. По мнению Бродского, именно он, как бы к

нему ни относиться, спас Россию. Для западного обывателя спасённая страна была враждебным коммунистическим СССР. Для Бродского она оставалась *родиной*. Именно такую, условно объективную, позицию занимает поэт. Бродский, после согласия с впечатлением С. Волкова о сдержанном отношении к Жукову в стихотворении, говорит: «Но ведь человек недостаточно интеллигентный или совсем уж неинтеллигентный – он такими вещами особенно не интересуется. Он реагирует на красную тряпку. Жуков – вот и всё. Из России я тоже слышал всякое-разное» [11]. Упрощённый, демонизированный образ советского полководца находит в анализируемом стихотворении поэтическую оппозицию. Противопоставляя этим насыщенным эмоциональной субъективностью мнениям своё видение, Бродский говорит о нём *вслух* – открытым текстом, недвусмысленно, без иронии, метафоры и аллегорий.

Дискурсивно контрастирует с патетическим звучанием данной строфы лагерный жаргонизм *прахорья* ‘сапоги’. Однако он семантически коррелирует с цитированными выше строками:

*смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.*

И.О. Шайтанов считает, что в слове *прахорья* «притаился неожиданный скрытый смысл – “прах”...» [цит. по: 12, с. 181]. На наш взгляд, эстетическая функция жаргонизма *прахорья* не сводится ни к актуализации ложной этимологии «прах», ни к чисто формальной, основанной на стилистическом контрасте экспрессии. Скорее здесь можно говорить о смысловой компрессии требующей развёрнутого изложения мысли Бродского. СССР для поэта-изгнанника был концентрационным лагерем, где Жуков являлся надзирателем, смотрителем преступного режима и в то же время одним из заключённых. Казалось бы, неуместные в одическом тексте *прахорья* вписываются в общую смысловую структуру стихотворения, рисуя образ амбивалентный образ маршала Жукова. Он и беспощадный к собственным солдатам спаситель Родины, и жертва, *кончивший дни свои глухо в опале* заложник Советского государства.

В 1972 г. Бродский по просьбе издателя газеты The New York Times написал эссе, в котором среди прочего выразил своё непростое отношение к российской истории: «Россия – великая страна, и все её пороки и добродетели величию этому более или менее пропорциональны» [13]. Полагаем, что представленный в настоящей статье лингвистический анализ стихотворения «На смерть Жукова» реконструирует аналогичные этим словам Бродского смыслы, которые и следует признать максимально точ-

ным приближением к авторской позиции в отношении маршала Жукова.

Список литературы

1. Лотман М. «На смерть Жукова» (1974) [Электронный ресурс] // Как работает стихотворение Бродского. Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1225216&pg=5>. (дата обращения: 24.12.2019).
2. Глазунова О.И. Стихотворение Бродского «На смерть Жукова» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bestreferat.ru/referat-2100.html>. (дата обращения: 24.12.2019).
3. Ренко Дж. Polemika вокруг поэзии Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2015/02/03/929>. (дата обращения: 24.12.2019).
4. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/172673-iosif-brodskij.html>. (дата обращения: 24.12.2019).
5. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=82322&p=29>. (дата обращения: 24.12.2019).

6. Прилепин З. Уроки русского. Бродский в ватнике (дата обращения: 16.01.2020).

7. Котельников И. Бродский: маршал Победы Жуков в аду [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://poezia.ru/works/116149>. (дата обращения: 24.12.2019).

8. Иосиф Бродский. Большая книга интервью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://litrus.net/book/read/5343?p=48>. (дата обращения: 26.05.2020).

9. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 464 с.

10. Ранчин А.М. О Бродском: Размышления и разборы. М.: Водолей, 2016. 248 с.

11. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским: Литературные биографии. М.: Независимая газета, 1998. 328 с.

12. Русова Н.Ю. Тридцать третья буква на школьном уроке, или 33 стихотворения Иосифа Бродского. Н. Новгород: КНИГИ, 2009. 352 с.

13. Бродский И.А. Писатель – одинокий путешественник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stihi.ru/diary/jvanna/2019-12-04> (дата обращения: 26.05.2020).

I. BRODSKY. «ON THE DEATH OF ZHUKOV»: EXPERIENCE IN LINGUISTIC HERMENEUTICS

S.G. Pavlov, E.I. Budaragina

The article uses an approach that is in line with the reference to the individual author's implementation of the language system in a literary text, which is relevant for modern linguistics. We present an analysis of I.A. Brodsky's poem «On the death of Zhukov». The aim of the article is to reveal the unobvious meanings of this text by means of linguistic hermeneutics. The direct subject of the analysis are the language means, which can be interpreted as an expression of the author's position in relation to the hero of the poem.

The initial assumptions of the article are as follows: 1) a literary text allows for multiple interpretations; 2) the interpretative possibilities of linguistics allow us to significantly objectify the study of the text; 3) the main meaning of the text allows for an unambiguous reading.

The article shows that the hermeneutic problem can arise in the simplest situation and be solved in the same simple way. The main result of the article is the following conclusion: in the light of linguistic hermeneutics, axiologically unipolar interpretations seem unconvincing. As an alternative, we offer our own solution.

Keywords: literary text, linguistic hermeneutics, hermeneutic situation, axiology, interpretation.

References

1. Lotman M. «Na smert' Zhukova» (1974) [Elektronnyj resurs] // Kak rabotaet stihotvorenije Brodskogo. Rezhim dostupa: <http://bookre.org/reader?file=1225216&pg=5>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).
2. Glazunova O.I. Stihotvorenije Brodskogo «Na smert' Zhukova» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.bestreferat.ru/referat-2100.html>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).
3. Renko Dzh. Polemika vokrug poezii Iosifa Brodskogo [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.proza.ru/2015/02/03/929>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).
4. Losev L.V. Iosif Brodskij: opyt literaturnoj biografii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://e-libra.ru/read/172673-iosif-brodskij.html>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).
5. Kreps M. O poezii Iosifa Brodskogo [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=82322&p=29>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).

6. Prilepin Z. Uroki russkogo. Brodskij v vatnike // (data obrashcheniya: 16.01.2020).

7. Kotel'nikov I. Brodskij: marshal Pobedy Zhukov v adu [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://poezia.ru/works/116149>. (data obrashcheniya: 24.12.2019).

8. Iosif Brodskij. Bol'shaya kniga interv'yuu [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://litrus.net/book/read/5343?p=48>. (data obrashcheniya: 26.05.2020).

9. Ranchin A.M. «Na piru Mnemoziny»: Interteksty Brodskogo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 464 s.

10. Ranchin A.M. O Brodskom: Razmyshleniya i razbory. M.: Vodolej, 2016. 248 s.

11. Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim: Literaturnye biografii. M.: Nezavisimaya gazeta, 1998. 328 s.

12. Rusova N.Yu. Tridcat' tret'ya bukva na shkol'nom uroke, ili 33 stihotvorenija Iosifa Brodskogo. N. Novgorod: KNIGI, 2009. 352 s.

13. Brodskij I.A. Pisatel' – odinokij puteshestvennik [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://stihi.ru/diary/jvanna/2019-12-04>. (data obrashcheniya: 26.05.2020).